

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ВРЕМЯ»

В статье концепт «время», нашедший свое яркое выражение во фразеологии, представляется в виде метафоры «время – движение» и условно делится на поля. В результате анализа делается заключение, что фразеологизмы с временным значением, построенные на метафоре, характеризуются яркой образностью, экспрессивностью и способствуют описанию лингвовременной картины мира, в которой находит отражение глубокое философское осмысление времени.

Основная функция фразеологизмов, образно выражающих значение времени в немецком и русском языках, не столько объяснительная, мотивирующая, сколько экспрессивная, эмоциональная, оценочная, что лингвистически представлено в формировании коннотативного компонента и отражении иерархии его «составляющих»: эмоциональности, экспрессивности, образности, оценочности. Формирование коннотативного компонента фразеологического значения – это логически и психологически обусловленный процесс, который имеет лингвистическую основу. Этот процесс отражен нами в логико-семантических (мотивационных) моделях. Логико-семантические модели фразеологизмов со значением «время», с одной стороны, способствуют систематизации и обобщению фразеологического материала, а с другой – отражают закономерный процесс формирования фразеологической образности.

Логико-семантическая модель фразеологизмов со значением «время» в немецком и русском языках может репродуцировать метафорический, метонимический и смешанные типы переноса. Большая часть фразеологизмов со значением «время» представляет собой метафору.

Метафора же представляет собой сложный феномен, онтологически связанный с человеком, пронизывающий язык и культуру, отражающий взаимообусловленность мышления с особенностями языковой реализации. Ее универсальность проявляется в пространстве и времени, в структуре языка и в его функционировании, поскольку это и стилистическое средство создания ярких и запоминающихся образов, и средство номинации, и особый вид речевого употребления, воздействия на собеседника, а также способ

мышления и познания действительности, способ аккумуляции и трансляции национальных этнических стереотипов, «картины мира» данного этноса [4, 108].

Метафора уже давно перестала рассматриваться лингвистами только как стилистическая фигура или троп. Она пронизывает концептуальную сферу человека, существуя не только и даже не столько в области языка, сколько в области мысли и действия [2, 34]. Метафора отражает универсальную человеческую способность связывать различные области на основе ассоциаций различного рода, далеко не столь очевидных, как в классических примерах *время – лучший врач – die Zeit heilt alle Wunden*. Теория метафоры как когнитивного феномена позволяет исследовать явления в их связи с сознанием.

Согласно теории концептуальной метафоры (Jakoff/Johnson) метафора понимается как когнитивная операция над понятиями, как средство концептуализации, позволяющее осмыслить ту или иную область действительности в терминах понятийных структур, изначально сложившихся на базе опыта в других областях. «Метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, и не только язык, но и мысль и действие... наша обычная концептуальная система, в терминах которой мы думаем и действуем, является метафорической по своей природе» [7, 126]. «Переносу» подвергается не изолированное имя, а целостная концептуальная структура, активизируемая некоторым словом (фокусом метафоры) в сознании носителя языка. Таким образом, метафора – перенос когнитивной структуры, прототипически связанной с некоторым языковым выражением, из той содержательной области, которой она исконно принадлежит, в другую область.

Исследование процессов метафоризации фрагментов картины мира и способов отражения концептуальных метафор в языке дает право сделать вывод о существовании более или менее универсальных метафор, проявляющихся в разных языках и культурах, и метафор, которые являются культурно специфическими. Например, метафора *время – лучший врач* встречается в разных языках и культурах, но метафора *время покажет* характерна для отношения ко времени русского народа.

Изучение системы концептуальных метафор в языке приводит ученых к выводу о том, что наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры и существует глубокая связь метафор с мировосприятием лингвокультурной общности [6, 163-181]. Однако следует учитывать и то, что избранный метафорический образ обеспечивает лишь частичное понимание рассматриваемой сущности – концепта, и сам выбор одной из метафор в качестве центральной для конкретного концепта высвечивает лишь один из его аспектов, оставляя остальные возможные аспекты на периферии области исследования. Как бы глубоко ни укоренились такие метафоры, как «время – деньги», «спор – война», первый компонент каждой пары может интерпретироваться и через другой метафорический образ.

Применительно к нашему исследованию очень важно положение, согласно которому вся информация об окружающем мире структурирована сознанием, структуры эти носят метафорический характер и могут быть реконструированы по данным языка. Таким образом, исследуя языковые метафоры, можно приблизиться к пониманию специфики восприятия явления носителями языка – то есть описать ментальное (концепт) через материальное (язык).

С другой стороны, можно интерпретировать языковые единицы, принимая во внимание их корреляцию с определенным концептом, т. е. исследовать материальное (языковую единицу) через ментальное (концепт и его метафору/метафоры).

Постулируя метафоричность всей концептуальной системы, а также учитывая тот

факт, что все метафоры находятся в отношениях корреляции с человеческим опытом, который может быть представлен в виде идеализированных когнитивных моделей, можно утверждать, что для определенных концептов, в частности концепта «время», сложился конкретный метафорический образ. Именно область концептуальных метафор может стать ареной исследования соотношения языкового фактора в мышлении и проявления различных аспектов мышления в языке.

Принципиальное значение в теории метафоры придается разграничению концептуальных и лингвистических метафор. С позиций лексической семантики механизм и результат метафорического переноса хорошо вписываются в концепцию значения. «Если при первичной (прямой) номинации происходит преобразование в денотативной направленности, и новому значению соответствует новый денотат, то при метафоризации как вторичной (косвенной) номинации происходит удвоение денотата» [3, 34]. Н.Д. Арутюнова отмечает, что метафора – это прежде всего способ уловить индивидуальность конкретного предмета или явления, передать его неповторимость. «Метафора – это колыбель семантики всех полнозначных и служебных слов, поэтому есть все основания назвать язык словарем потускневших метафор» [1, 24]. Тем не менее, главная идея исследования – это всеобъемлющий характер метафоры, а основная цель – доказать, что метафора относится к сфере мышления, а не языка. Так от тождества «время – деньги» делается прямой переход к тому, что денежные отношения влияют на восприятие времени.

Постоянный интерес к исследованию метафоры заставляет вспомнить слова И. Бродского, назвавшего в своих заметках о Венеции метафору вирусом (к счастью, не компьютерным). Н.Д. Арутюнова пишет, что «создается впечатление о том, что весь мир – это метафора чего-то иного. И там, и здесь – и в мире и в концептуальных полях метафоры царит хаос, мешающий увидеть это *иное* в его целостности» [1, 20].

Основываясь на этой точке зрения, обобщенную фразеологическую модель «концепта» время и в немецком, и в русском языках

можно представить в виде метафоры *время – это движение*. Эту модель мы предлагаем условно разделить на три образных поля: *die Zeit fließt – время течет*, *die Zeit dreht sich im Kreise – время движется по кругу*, *die Zeit steht still – время остановилось*.

Если воспринимать время как движение, то в качестве ядра этого поля можно представить такие метафоры, как *время проходит – die Zeit vergeht*, в основе которых образ быстротечности, бренности, приходящего, отсюда такие производные формы, характерные для обоих языков, как *прошлое, прошедшее, преходящее, vergangen, vergänglich, Vergangenheit, Vergänglichkeit*. К ядру этого поля относятся также метафоры *die Zeit läuft – время бежит*, *der Lauf der Zeit – бег времени*, в то время как метафоры *Zeit fließt – время течет* находятся на периферии, так как не упоминаются в словарях. Положение на периферии отнюдь не означает, что эти метафоры реже употребляются, возможно, как раз обособленность этих метафор составляет их эмоциональность и экспрессивность. В основе этой метафоры *die Zeit fließt – время течет* лежит правомерное сравнение времени с течением воды, которое человек не может остановить, как и течение времени. Можно предположить, что образность концептуальной метафоры тем больше возрастает, чем дальше она находится от ядра. К периферии этого поля принадлежат такие метафоры, как *время летит – die Zeit verflicht*. В немецком поле встречаются метафоры, звучащие возвышенно и патетически и не характерные для русского поля *die Zeit wandelt, die Zeit entflieht*.

Если за исходную метафору брать *время – движение – die Zeit ist Bewegung*, то совершенно логичными кажутся метафоры *die Zeit dreht sich im Kreise – время движется по кругу*, которые мы использовали в качестве названия второго поля. Здесь сравнение с водой неуместно, так как, как мы знаем, дважды в одну реку нельзя войти. Но в концепте «движение» ничего не указывает на то, что это движение должно происходить линейно. Например, цикличность ночи и дня относится к самому первому житейскому опыту человека.

Третье поле *die Zeit steht still – время остановилось* вовсе не отрицает исходное ут-

верждение *время – движение*, а наоборот, логично интегрируется в обобщенное метафорическое поле «движение», так как оба глагола *остановиться* и *stehenbleiben* в значении своем подразумевают движение.

Метафорическим типом переноса связана образная структура многих других русских и немецких фразеологизмов, как вошедших, так и не вошедших в три вышеназванных поля: *на носу, на пороге, vor der Tür, an der Schwelle* и др. Фразеологизм *на пороге*, по синтаксической структуре представляющий предложно-падежное соединение слова, означает начало жизненного пути. Фразеологический оборот образно выражает значение времени, которое ассоциируется с ожиданием чего-то радостного, светлого. Сравним: *весна на пороге, на пороге третьего тысячелетия*. Такое восприятие связано с фразеологическим образом, вызывающим представление начала, имеющего перспективу развития. Даже синтаксическая конструкция СК-прототипа, являющаяся типичной для выражения пространственного значения (*на дороге, на земле, на поляне*), способствует формированию наглядно-чувственного представления: соединение пространственной и временной метафор. Несмотря на аналогичную синтаксическую конструкцию и лежащую в основе метафору, в отличие от русского эквивалента немецкий фразеологизм *an der Schwelle* употребляется с отрицательной коннотацией, например, *an der Schwelle des Todes*.

Понять фразеологизм, основанный на метафоре, – значит разгадать, какие из свойств обозначаемого объекта выделяются в ней и как они поддерживаются за счет ассоциаций, вызванных «буквальным значением» СК-прототипа. Следует отметить, что метафора для нас важна вовсе не как средство вторичной номинации, а как средство коннотации уже однажды названного явления.

Буквальное значение совокупности компонентов СК-прототипа может, например, представлять собой алогизм, изображение абсурдной ситуации, невозможной в реальной жизни: *когда рак на горе свистнет, после дождичка в четверг, не доходя две недели в сторону, wenn der Fuchs und der Hase einander «Gute Nacht» sagen, wenn Pfingsten und Ostern auf einen*

Tag fallen. Следует отметить, что все алогизмы – это метафоры. Противоречие как художественный прием широко используется во фразеологии. Наиболее образными, экспрессивными, эмоциональными, оценочными являются фразеологизмы, образная основа которых построена на алогизме. Ирреальная ситуация, закрепленная в СК-прототипе *wenn da rak na gore swistnet* (раки в действительности не свистят и не живут на горе), *wenn der Hahn Eier liegt* (петухи не откладывают яйца), идея движения, существующая в СК-прототипе *не доходя две недели в сторону*, не реализована, в реальности дождь не обязательно может быть в четверг (*ФЕ после дождичка в четверг*), – все эти факторы формируют актуальное временное значение «никогда», которое является логически обоснованным и мотивированным. Противоречие, раскрывающееся при сопоставлении значения СК-прототипов перечисленных фразеологизмов с их обобщенно-переносным значением, является противоречием качества, свойства и соответствует традиционному оксюмору.

В основе образной структуры таких фразеологизмов, как *глазом не успел моргнуть – ohne mit dem Wimper zu zucken*, *как ракета – wie eine Rakete*, *молниеносно – blitzschnell*, находится гиперболическая метафора, что является логически оправданным – чрезмерное увеличение скоростного признака способствует усилению значения «очень быстро».

Метафора лежит в основе образной структуры фразеологизмов *тянуть время – das Spiel verzögern*, *искать вчерашний день – den gestrigen Tag suchen*, *убивать время – die Zeit totschiagen*, где представлена идея манипуляции человеком временем. Однако во фразеологической картине мира, отражающей образное восприятие времени как живого существа, с которым возможны различные эксперименты, манипуляции, человек воспринимается как существо пассивное, безынициативное и бездеятельное (манипулирование временем – это воображаемая деятельность человека). Особенности восприятия времени человеком, его желание выдать действительное за реальное представлены в значении фразеологизмов *тянуть время – das Spiel verzögern*, *искать вчерашний день – den*

gestrigen Tag suchen, *убивать время – die Zeit totschiagen*, *выиграть время – die Zeit gewinnen*.

Метафорический перенос, представленный лингвистически в двухкомпонентной логико-семантической модели, обладает большими эмоциональными, экспрессивными и оценочными возможностями по сравнению с метонимическим переносом. Внутренняя форма фразеологизмов *тянуть время – das Spiel verzögern*, *искать вчерашний день – den gestrigen Tag suchen*, *убивать время – die Zeit totschiagen*, *выиграть время – die Zeit gewinnen* связана с олицетворением. Мы представляем себе человека, который, чтобы как-то приспособиться к быстротекущему времени, старается *растягивать*, *тянуть время*, однако ему это не удастся и он *ищет вчерашний день*. Такое пассивное восприятие времени осуждается и немецким и русским народом.

В современной лингвистике существует проблема разграничения метафоры, символа и образа. Многие исследователи отмечают образную природу символа, утверждают, что символ непосредственно связан с образом. Символ, как и метафора, – это прежде всего знак, материальная сущность, однако в отличие от метафоры означаемое символа значительно глубже, шире и многограннее, чем то означаемое, которое свойственно обычно метафоре. Так, например, слово *час* в немецкой и русской фразеологии является символом судьбоносности. Данное явление отражает образная структура фразеологизмов *смертный час – die Todesstunde*, *час расплаты – die Stunde der Rache*, *die Stunde der Vergeltung*, *часы одиночества – die Stunde der Einsamkeit*, *часы бедствия – die Stunde der Not*, *час опасности – die Stunde der Gefahr*, *час забвения – die Stunde der Vergessenheit*, *час смирения – die Stunde der Demut*.

Символ и метафору объединяет то, что, являясь образной основой фразеологизмов, выражающих значение времени, они выполняют прежде всего эстетическую функцию, создавая яркие, впечатляющие, наглядные, чувственно-осозаемые образы, которые способствуют моделированию лингвовременной картины мира.

Как мы убедились, человеку свойственно различное восприятие времени, что нахо-

дит отражение в лингвовременной картине мира. Одни считают: *чему быть, того не миновать – was sein soll, schickt sich wohl*, другие философски заключают: *утро вечера мудренее – über Nacht kommt Rat*, одни стремятся *довести дело до конца – die Sache zu Ende führen*, другие резюмируют: *на худой конец и так сойдем – für den schlimmsten Fall wird es schon gehen*. Психологическое восприятие человека может измениться, тогда соответственно меняется и его отношение ко времени, не зависимо от его национальной принадлежности. В основе восприятия времени лежит антитеза, которая в яркой форме выражает чувства, эмоции, оценку тех или иных явлений, антитеза нашла свое воплощение в лексических оппозициях, характеризующих разные параметры времени.

Человек может *владеть временем – die Zeit beherrschen* (а может быть, это ему кажется), *тратить время – die Zeit vergeuden*, *беречь время – die Zeit sparen*, *проводить время – die Zeit verbringen*, *коротать время – sich die Zeit vertreiben* и наконец (звучит как приговор) *убивать время – die Zeit totschiagen*. Человек стремится не только подчинить себе время, но и манипулировать временем: *тянуть вольнку – in die Länge ziehen*, *торопить время – zur Eile drängen*, *оттягивать время – auf die lange Bank schieben*, *отнимать время –*

Zeit in Anspruch nehmen, но, увы, *время не только неуловимо – die Zeit ist nicht zu erreichen*, но и неумолимо – *die Zeit ist unerbittlich*, *времени не хватает – die Zeit fehlt*.

А может быть, *еще не время – es ist noch nicht soweit*, ведь *время работает на нас – die Zeit arbeitet für uns*, правда, иногда *против нас – die Zeit arbeitet gegen uns*. Время может быть и гуманным по отношению к человеку: *время лечит – die Zeit heilt alle Wunden*, *представляет все по своим местам – die Zeit stellt alles zurecht*, напоминая о бренности существования и о вечных ценностях.

Таким образом, фразеологизмы с временным значением, построенные на метафоре, характеризуются яркой образностью, эмоциональностью, экспрессивностью, оценочностью, обладая огромными коннотативными возможностями, обусловленными «образной составляющей», они способствуют структурированию лингвовременной картины мира, в которой находит отражение глубокое философское осмысление времени. Представленные логико-семантические модели фразеологизмов, отражающих метафорический перенос, способствуют не только обобщению и систематизации фразеологического материала, но и наглядно демонстрируют структурирование лингвовременной картины мира на основе фразеологического образа.

Список использованной литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Алогичность метафорических полей //Русский язык сегодня: Сб. научных статей / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Азбуковник, 2003.
2. Кубрякова Е.С. Проблема представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем / Язык и структуры представления знаний. Сборник научно-аналитических обзоров / Отв. ред-ры: Ф.М. Березин, Е.С. Кубрякова. – М.: ИНИОН, 1992.– 162 с.
3. Складневская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб., 1997.
4. Eismann, Wolfgang: Jenseits der Weltbild-Phraseologie: Vergessene psychoanalytische Perspektive in der Phraseologie // Phraseologie Amor– Aspekte europäischer Phraseologie. Festschrift für Gertrud Gréciano zum 60. Geburtstag. Hohengehren 2001. – S. 107 – 122.
5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980. – 242 с.
6. Rohrer T. To Plow the Sea: Metaphors for Regional Peace in Latin Amerika // Metaphors and Symbolic Activity, 1991, v. 6. – P. 163 – 181.
7. Roos, Eckard: Idiom und Idiomatik: ein sprachliches Phänomen im Lichte der kognitiven Linguistik und Gestalttheorie. Aachen, 2001.